

Рядом Чэнь Мэнлэй дважды сухо кашлянул:

— Госпожа, это не Юянь. Юянь уже нет в живых. Это её сын, Цзя Чжипо.

Он тоже чувствовал себя несколько неуютно. Цзя Чжипо был так похож на его дочь, которую он потерял много лет назад — брови, глаза, нос, губы, даже то, как он улыбался. Чэнь Мэнлэй прожил почти семьдесят лет, всю жизнь отличался жестким характером, но сейчас его глаза неожиданно защипало.

Внук сам пришел признать родство, и он был рад в душе — говорить, что не рад, было бы ложью.

Когда покойный Жунго-гун только скончался, его дочь умерла от тяжелых родов. А зять Цзя Шэ — что он вообще за человек? И те люди из клана Цзя еще больше не умели читать направление ветра: не обладая способностями и положением Цзя Дайшаня, они всё же смели вмешиваться в дела императорского двора. Чэнь Мэнлэй тогда подумал, что этому семейству рано или поздно придет конец и общаться с ними больше нельзя.

Однако он оставил лазейку на крайний случай. Если бы клан Цзя действительно налек на себя смертельную беду, он бы при любых обстоятельствах вытащил единственного оставшегося у дочери крошечного птенца.

Кто бы мог подумать, что Император Шэнцзу уже в преклонных годах вспомнил о прежней привязанности к Дайшаню, да к тому же клан Цзя оказался совершенно ничтожен и не смог бы поднять большой волны — в итоге он действительно простил их на этот раз.

Промелькнуло двадцать лет. Чэнь Мэнлэй не то чтобы не думал о том, чтобы отправить людей навестить того ребенка, но старое лицо никак не позволяло ему опуститься до этого. Он боялся, что за всю свою жизнь так и не услышит, как Цзя Чжипо назовет его дедом.

В конце концов этот сорванец явился сам.

Чэнь Мэнлэй заблаговременно навел справки о прошлом Цзя Чжипо.

этого человека нельзя было назвать отъявленным злодеем, а по сравнению с такими отбросами, как Цзя Чжэнь и Цзя Шэ, его и вовсе можно было считать вполне нормальным. Но в конце концов он оставался лишь пакостным, любящим женский пол и ни на что не годным мажором.

Изначально он планировал устроить этому щенку холодный прием, чтобы сначала испытать его почву, а уже потом решать, как им крутить.

Кто же мог предположить, что лицо Цзя Чжипо до боли напоминает лицо его дочери.

Старая жена тут же растерялась, да и он сам не смог сдержать лицо.

— Садись.

Раз уж разыгрывать спектакль дальше не имело смысла, Чэнь Мэнлэй решил больше не притворяться и просто велел ему сесть.

— Зачем сегодня пожаловал наследник?

Обменявшись парочкой вежливых фраз, Чэнь Мэнлэй перешел прямо к делу, и тон его был вовсе не мягким.

План пошел прахом, но баловать этого мерзавца было нельзя.

Двадцать лет не переступал порог, а теперь назовет его дедушкой, и он сразу всё простит? Старик холодно усмехнулся про себя.

Услышав это, Цзя Чжипо понял, что пора переходить к сути. Он умерил выражение лица, и на его красивом лице проступила некоторая печаль.

— В прошлые годы я был мал и неразумен. Из-за отца в семье почти никогда не упоминали о матушке. То, что я до сих пор не приходил с поклоном — это вина Ляня.

Он не искал оправданий и не перекладывал ответственность, а сразу признал свою вину.

В такие моменты чем искреннее держишься, тем больше толку.

И действительно, лица членов семьи Чэнь заметно смягчились.

— В ночь свадьбы я выпил лишнего, оступился и потерял сознание. В каком-то бреду мне неожиданно приснилась матушка...

Цзя Чжипо прекрасно понимал: хотя Учитель Кун и говорил, что Благородный муж не рассуждает о чудесах, силах, богах и нечисти, но в эту эпоху кто же не верил в духов и божеств?

Тем более, судя по оригинальному произведению, этот мир «Сна в красном тереме» действительно таил в себе нечто нечистое. Впрочем, он не страшился — сейчас он жил в реальном мире, а не в книге. Даже если и существовала какая-то Фейя Цзинхуань, она никак не могла напрямую вмешаться в дела людей.

Поэтому он без колебаний направил разговор в сторону покойной госпожи Чэнь.

Этот довод лучше всего мог растрогать людей из клана Чэнь.

И впрямь, начиная с Чэнь Мэнлэя и ниже, лица всех переменились. А госпожа Чэнь и вовсе разрыдалась:

— Ох, доченька моя...

Старший сын Чэнь Юли держался еще кое-как и поспешно расспросил:

— Что сказала сестрица?

Он был почти ровесником Чэнь Юянь, они росли вместе с малых лет, и их привязанность была самой крепкой. В те времена Чэнь Мэнлэй еще не сдал экзамены и служил советником в Особняке Жунго.

Жунго-гун с первого взгляда заметил смышленную и проворную Чэнь Юянь и сразу же обручил ее с младенчества. Чэнь Мэнлэй тоже дал согласие исключительно ради уважения к Жунго-гуну.

Чэнь Юли, будучи старшим братом, испытывал к сестре совершенно особенные чувства, не похожие на отношение остальных.

Закончив говорить, Цзя Чжипо приподнял веки, бросил взгляд на лицо Чэнь Мэнлэя и продолжил:

— Я сказал матушке, что в те годы отец всегда чувствовал себя виноватым перед ней и бесконечно терзался раскаянием, не смея показаться на глаза деду. Я и сам считал свою судьбу несчастливой, тем более не смея легко переступить порог дедовского дома.

— Но матушка ответила, что дедушка, бабушка и дяди — люди широкой души, которые не станут винить меня из-за подобных пустяков. Она велела мне обязательно прийти к вам, старикам, и проведать вас.

Едва смолкли эти слова, а выражение лица Цзя Чжипо в сочетании с подрагивающим от слёз голосом заполнило Зал Шоуцзин такой тишиной, что можно было услышать падение иголки.

Госпожа Чэнь уже плакала так, что не могла произнести ни слова.

Взгляд Чэнь Мэнлэя упал на стоящего перед ним внука. Пройдя огонь и воду на официальной службе за несколько десятилетий, он отлично умел разбираться в людях. С первого же взгляда он понял, что этот сорванец разыгрывает представление, используя мертвую дочь.

Но глядя на то, как Цзя Чжипо стоит на коленях и дрожит всем телом от рыданий, а затем переводя взгляд на старую жену, которая крепко обнимала внука и не желала отпускать, Чэнь Мэнлэй тяжело вздохнул.

Ладно, простить его на этот раз.

— Эй, подать угощение и вино! Третий, сходи позови невестку и младшую невестку, пусть повидаются с племянником.

Струна в сердце Цзя Чжипо наконец натянулась и ослабла, а сжатые кулаки тихо разжались.

С другой стороны, в клане Цзя, в Зале Жунцин:

— Куда это Лянь-эр запропастился?

Цзя Му сегодня только-только привезла Ши Сяньюнь из клана Ши и всю веселилась с несколькими внучками и Цзя Баоюем. Ли Вань и Фэн-цзе уже некоторое время ведали домашними делами и успели войти во вкус: Ли Вань держала ключи от казны, а Фэн-цзе бегала по поручениям.

В этот момент Фэн-цзе как раз прислуживала в Зале Жунцин вместе с несколькими служанками. Кто бы мог подумать, что Цзя Му неожиданно упомянет Цзя Чжипо.

— Сестрица Фэн, куда это Лянь-эр сегодня запропастился? Целый день его не видно, позови-ка его сюда.

Цзя Му вспомнила о тех переменах, что произошли с Цзя Чжипо за последнее время. Особенно та история с Инчунь несколько дней назад и его неуступчивая манера поведения пробудили в ней неподдельный интерес.

Как бы она ни благоволила Второму дому, этот дворянский титул ее покойные муж и свёкор добыли ценой собственной крови, и она отчетливо это понимала. Во Втором доме ни Цзя Чжэнь, ни Баоюй — никто из них не годился на роль опоры дома. Если они действительно хотели вновь прославить свой род и возвысить имя семьи, придется рассчитывать на Цзя Чжипо — в последнее время он выглядел так, будто заново родился.

Ван Сифэн на мгновение опешила: она никак не ожидала, что старушка вдруг станет искать Цзя Чжипо. Поскольку она выросла в клане Цзя, ей, разумеется, была известна история с госпожой Чэнь. Видя, что уходя из дома, Цзя Чжипо не запрещал никому об этом распространяться, она прямо во всем призналась.

Как только эти слова сорвались с ее губ, все присутствующие в зале замерли.

— Ты говоришь, куда он отправился?

Цзя Му посмотрела на нее так, будто расслышала не до конца, и в ее помутневших от старости глазах вдруг мелькнул острый блеск, от которого Ван Сифэн почувствовала себя крайне неуютно.

— Старая госпожа, второй господин сказал мне, что отправился в Переулок Цзиньсин, в дом канцлера Чэня.

Поспешно доложила Ван Сифэн.

Когда Цзя Му и госпожа Ван слышали это, в душе у обеих промелькнуло чувство облегчения: к счастью, Цзя Шэ и госпожа Син отсутствовали, иначе этот непутевый старший сын неизвестно какую бурю бы поднял.

Пожилые служанки из Особняка Жунго прекрасно помнили события тех лет до мельчайших подробностей.

Цзя Шэ ради госпожи Чэнь был готов швырнуть родного сына на землю. А после больше десятка лет хранил к нему полное равнодушие и даже не смотрел в его сторону.

Если бы Цзя Шэ не приводил в дом одну наложницу за другой при том, что в животах у них так ничего и не зашевелилось, он, пожалуй, до конца своих дней не захотел бы признавать этого сына.

В конечном счете корни проблемы крылись в госпоже Чэнь.

Стоило госпоже Чэнь уйти из жизни, как отец ее, тогда еще занимавший пост заместителя министра ритуалов, канцлер Чэнь, явился с визитом, но Цзя Шэ велел захлопнуть перед ним двери. Об этом случае в клане шептались долгие годы, и всякий раз, вспоминая, только покачивали головами.

Но что же теперь? Цзя Чжипо самолично отправился в клан Чэнь.

Остальные могли ничего не понимать, но в душе Цзя Му всё было ясно как день.

Старушка пережила времена наивысшего блеска и процветания клана Цзя. Тогда их род был военной аристократией номер один в Династии Великий Чжэн. Прожив бок о бок с Цзя Дайшанем несколько десятилетий, каких только сцен она не повидала и чьих мыслей не разгадала?

Она с первого взгляда раскусила все замыслы Цзя Чжипо.

Ныне положение Цзя Чжипо и его жены в Особняке Жунго действительно было незавидным.

По справедливости он являлся старшим сыном в старшей ветви, и в будущем титул должен был перейти к нему. Однако Цзя Шэ наотрез отказывался терпеть его рядом, и отношения в старшей ветви напоминали ледяной погреб. Раньше он слепо и преданно следовал за Вторым домом, но со Вторым домом у него были неразрешимые противоречия: ему предстояло унаследовать титул, но всё семейное имущество было сосредоточено в руках Второго дома.

Повзрослев, Цзя Чжипо, естественно, не мог проглотить эту обиду.

В итоге получалось: старшая ветвь не жаловала, Второй дом не любил, и нигде не находилось угощения по вкусу.

Если бы не жесткая хватка Ван Сифэн и мягкий нрав Ли Вань, Ван Сифэн ни за что не смогла бы прибрать к рукам бразды правления домом.

Поэтому теперь Цзя Чжипо подыскивал себе надежную опору.

Старушка отчетливо понимала: этот старший внук, должно быть, разгадал часть ее собственных расчетов. Он намеревался опереться на чиновников гражданской службы и оставить себе запасной путь.

Оставим временно клан Цзя. В доме Чэней Цзя Чжипо уже вовсю непринужденно беседовал со всеми.

— Лянь-эр, ты и впрямь решил идти по пути сдачи императорских экзаменов?

Услышав от Цзя Чжипо о намерении заняться учебой под руководством Чэнь Мэнлэя и готовиться к экзаменам, Чэнь Мэнлэй пришел в неописуемый восторг. За свою жизнь он выпустил бесчисленное множество учеников — мало того, что все три его сына стали обладателями высшей ученой степени цзиньши, он лично обучал двух императоров. Нынешний Император Лунчжэн при встрече с ним неизменно выражал почтительное почтение и обращался не иначе как «учитель».

Но чего посторонние люди не знали, так это того, что среди учеников, детей и внуков Чэнь Мэнлэя по своему таланту ярче всех блистали вовсе не три сына из клана Чэнь и не те великие конфуцианцы из Академии Ханьлинь и Гоцзыцзяня.

Это была его дочь Чэнь Юянь.

Чэнь Юянь с детских лет страстно любила книги, и больше всего на свете ей нравилось отвечать на экзаменационные вопросы прошлых лет просто ради забавы. В те годы Император Шэнцзу случайно увидел написанное ею в двенадцатилетнем возрасте сочинение на

политическую тему и тут же с восхищением воскликнул: будь она мужчиной, из нее непременно вышел бы выдающийся государственный деятель эпохи.

Он даже подумывал о том, чтобы ввести ее во дворец в качестве наследной принцессы.

Однако позже отказался от этой мысли: во-первых, до него дошли слухи, что семейство Чэнь уже обручилось с Особняком Жунго. А во-вторых, он опасался, что Чэнь Юянь превратится во вторую У Мэйнян.

В конце концов, тогдашний наследник престола — нынешний Верховный Император — славился своим извечно слабым здоровьем.

Императорские экзамены в Династии Великий Чжэн следовали старым правилам Поздней Чжоу. Со времен Чжоуского Тай-цзуна Го Жун здесь уделялось особое внимание практической пользе. На экзаменах на степень цзиньши требовалось как рассуждать о текущей политике, так и писать стихи и оды.

А с приходом к власти Тайцзу нашей династии упор стал делаться на практические дела еще сильнее. Каждый год экзаменационные темы составлялись так, чтобы проверять знание самых насущных и неотложных государственных вопросов.

Всякий раз, вспоминая об этом, Чэнь Мэнлэй испытывал горькое сожаление.

Если бы только Цзя Чжиго не был наследником титула из Особняка Жунго! Тогда он, отбросив всякий стыд за свое старое лицо, непременно нашел бы способ приблизить к себе этого одаренного юношу и заняться его воспитанием лично.

В нынешние времена в Ляодуне всё еще продолжалась война.

Но Чэнь Мэнлэй в глубине души отчетливо понимал: Император Шэнцзу в свое время оставил нючжэней в живых и не стал истреблять их до конца исключительно для того, чтобы у потомков оставался полигон для тренировки войск.

Ныне на Западе царил мир, и во всей Династии Великий Чжэн, кроме Ляодуна, не осталось мест, где велись бы войны.

Монгольское плато, где прежде донимали хунну и прочие племена, ныне превратилось в мирное пастбище для разведения скота на благо Центрального равнинного Китая.

И в Сиюе дела обстояли уже совсем не так, как прежде. Со времен середины эпохи Тан Сиюй был вдоль и поперек пропитан чужеземным влиянием, и ханьцам пришлось изрядно натерпеться бед. Чжоуский Тай-цзун Го Жун некогда мечтал расчистить эту авгиеву конюшню, но северные кидани давили со страшной силой, заставляя думать в первую очередь о

насущном. Промучавшись большую часть жизни, он все-таки оттеснил киданей к землям Сиюя, однако преследовать их дальше у него уже не хватило сил.

<http://bllate.org/book/19342/1891421>